

КОНЦЕПТ «ТРУД» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ УРАЛЬСКОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Цель нашего исследования – лингвокультурологическое исследование взаимодействия носителей уральского городского просторечия. Паспортизованный материал (мы располагаем устными и письменными текстами, собранными в 2000-2007 гг.) позволяет описать коммуникацию носителей просторечия-2 [См. Крысин 2003], прошедших первичную социализацию в деревенской культуре и унаследовавших ее базовые представления, нормы и ценности. В послевоенное время (1950-1955 гг.) многие из них в поисках лучшей жизни перебираются в город, учатся и обустраиваются там, усваивая нормы и ценности городской культуры. Вообще этих людей можно назвать поликультуралами: в их сознании сплетаются представления и установки как традиционной народной культуры (культуры родительской семьи, культуры детства и юности), так и советской культуры (культуры, определявшей самостоятельную, взрослую жизнь в городе).

Рассмотрим, например, каковы представления о труде носителей просторечия-2. Вообще говоря, представления о труде занимают важное место в национальной картине мира. Труд для русского человека неотделим от жизни и от самой личности. Трудовая этика является основой «человеческого самоуважения и профессиональной гордости» [Стариков 1989: 181]. Потребность трудиться, установки на трудолюбие, самоотверженный, добросовестный труд, отношение к труду как источнику жизни и естественному состоянию человека являются традиционными установками русского архетипа. Например, по выводам М. М. Громыко, в XIX в. народное сознание сформировало положительный образ крестьянина,

наживающего богатство личным трудолюбием и предприимчивостью, от которого, однако, «требовались особые усилия на пути благочестия» [Громыко 2000: 86]. Трудовой этический кодекс того времени предписывал быть честным и надежным в выполнении трудовых обязательств, не кичиться богатством, не причинять своими действиями ущерб другим людям или общему состоянию природной системы, жить по Божьим законам [там же: 96]. Такие установки создавали «нерасторжимое единство экономики (быта) и нравственности (идеал бытия) [Колесов 1991: 7].

Отношение к результатам труда также этноспецифично. Для носителей русской культуры не меньшую важность получает сам процесс и мотивации труда. В. И. Карасик, сравнивая представления об отношении к труду в английском, немецком и русском языках, отмечает, что если для жителей Западной Европы существенны утилитарные признаки результативности труда (работаем на себя и для себя), то для русских существенны этические признаки уважительного отношения к труду и трудящемуся человеку [Карасик 1996: 10].

Народное представление о лентяе как антагонисте трудоголика двойственно. По замечанию В. И. Белова, в народе всегда с усмешкой, а иногда с сочувствием, переходящим в жалость, относились к лентяям. Вместе с тем высмеивали и тех, кто не жалел в труде себя и своих близких [Белов 1984: 12]. Эта же мысль прослеживается в работе И. Б. Левонтиной, которая, опираясь на русские пословицы, приходит к выводу об аксиологической неопределенности лени. С одной стороны, ленивый человек оценивается отрицательно, поскольку он любит перекладывать работу на других, некооперативен, с другой стороны, «немотивированная чрезмерная активность выглядит в глазах русского человека неестественно и подозрительно» [См.: Левонтина 2005: 343].

Советская идеологическая система воздействовала на сознание носителей национальной культуры, внедряя в него новые идеологемы и мифологемы и эксплуатируя традиционные [Купина 1995]. По данным О. Е.

Черновой, в советских газетах субъект труда был представлен как носитель моральных принципов коммунистического общества, как человек, характеризующийся свободой морального выбора [Чернова 2004: 14].

Идеологема *трудовой человек*, включая такие смыслы, как 'представитель трудового населения, носитель общей идеологии, созидатель социализма', фиксировала и укрупняла идею сплоченности, коллективизма, потребность «быть как все». Такие ментальные и поведенческие образцы, как трудовой энтузиазм и самопожертвование во благо страны, подчинение личного общественному, вытекали не только из внутренних потребностей человека, но и представлений о том, что государство затратило огромные средства на его бесплатное образование и профессиональное обучение, гарантировало ему постоянное рабочее место. Они способствовали формированию установки *терпеть, смиряться с жизненными обстоятельствами*.

Наше лингвистическое исследование призвано выявить, что думают и чувствуют люди, живущие на «рубеже культур», каковы их культурологические опоры. Возьмем в качестве иллюстрации представления и установки носителей уральского городского просторечия в отношении к труду (работе). Извлеченные из текстов-разговоров коммуникантов (ниже они обозначаются инициалами) фрагменты позволяют сформулировать следующие базовые установки относительно труда: *Добросовестный труд есть основа самоуважения и уважения окружающих людей; Умение хорошо трудиться способствует формированию лада и гармонии в отношениях с людьми*. Приведем конкретные примеры.

А.И. *Приехала в город / поступила я на Большакова в больницу / в травматологическое отделение / там всё лежащие / кто-то разбился / кто-то сломался / вот так лежат / недвижимые / ну и чё // Я вот из деревни / а там нянечки хитрые / в ванную зайдут и сидят // Одна коллдор мыла / вымоет тут коллдорчик / и в ванную весь день // А откуда я знаю / раз из деревни // А я за ними весь день убираю / палаты мою // А потом дошло / раз она уборщица / дак мой / а я как нянечка / за больными надо ухаживать / вот ведь чё // И я всё успевала делать / и оклад там был триста рублей // А чё триста рублей? Мало // Мы вдвоем / за садик надо платить / ну и вот / я*

уволилась // Меня не отпускали ни в какую / ни в какую // Видят / что я работник такой // Я грю / «Ну сутки / двое / еще поработаю» // А мне жить-то надо / а на чё?

А.И. осуждает поведение нянечек, уборщиц, которые выполняют свои трудовые обязанности недобросовестно: *вымает тут коридорчик / и в ванную весь день; в ванную зайдут и сидят.* Этический предикат *хитрые* относится к специализированным средствам, указывающим на нарушение этических норм: *Они (уборщицы, нянечки) – [живущие в городе] изворотливые, пользующиеся наивностью неопытных, ленивые, недобросовестные, от работы и от своих прямых обязанностей отлынивающие.* Ему противостоит контекстуальный характеризующий предикат *из деревни*, получающий целый пучок этических смыслов: *Я – деревенская, поэтому простодушная, не извлекающая выгоду из ситуации, трудолюбивая, добросовестная, от работы не отлынивающая, выполняющая любую работу с рвением, готова работать, несмотря на низкую зарплату.* Нормативность собственных моральных принципов (отношение к трудовым обязанностям, к жизни) манифестируется деонтическим оператором *надо* (*За больными надо ухаживать; Жить-то надо*); указанием на статусно-ролевое поведение субъекта: *она уборщица; я как нянечка; [Если ты уборщица] Дак мой.*

В сознании носителя просторечия представление о трудовых правах и обязанностях, добросовестном отношении к работе неотъемлемо от представлений о *долге, ответственности, старательности, терпении.* Не случайна и включенная коммуниканткой точка зрения со стороны, эксплицирующая положительную оценку поведения, основанного на указанных представлениях и установках: **А.И.** *Меня не отпускали ни в какую / ни в какую // Видят / что я работник такой //* Отношение к труду в свете отношения к другим людям и себе позволяет говорить о труде как категории нравственной [См. также Орлова 2006].

Приведем еще один диалогический фрагмент. Коммуникантка **В.И.** вспоминает, как она начинала жить в городе:

В.И. *А мы на квартире жили / мы люди казенные были / Рая (сестра) и еще две девки // Улица Щорса 25 // (о хозяйке) У нас женищина работала одинокая в Посылторге / домик у нее был / комнатки маленькие // Мы сняли квартиру // Она нас пожалела / она нам даже коечку выделила // Нина / Нина (пауза) / ой забыла как звать <...> А на квартире мы прожили полгода // Хозяйка так плакала / «Да не уходите / я с вас ничё брать не буду» // Нина Янбухтина / во! Вспомнила / как звали // А вишь мы какие / мы работающие // Домик дак домик / надо и во дворе подмести / всё это чтобы угодить хозяевам // Сам с добром и к тебе добро // Всё ж она кровать нам дала / постель // И мы так и спали в ее кровати / потому что мы дюже работающие // И двор подметем / и воды наносим // Дрова пилим / складывем / дело было как раз в зиму // И печь натопить надо //<...>*

Базовая житийная установка носителя просторечия (см. выше) эксплицируется с помощью речевой аксиологической формулы: *Мы (дюже) работающие (люди)*. Предикат *работающий* характеризует человека, ‘любящего работать, много и хорошо работающего, трудолюбивого’. Активный труд сближает субъектов, рождает «непосредственность телесных контактов и совместных переживаний» [Круглова 2005: 260]: *двор подметем, воды наносим, дрова пилим, складываем, печь натопить надо*. В состав определяющих трудовое поведение высказываний входят глаголы физического действия, а также деонтический оператор *надо*. Установка на добросовестный труд как основу лада и гармонии в «своем кругу» преемственна, она сформирована деревенским сознанием коммуникантов: образец *работающего человека* – это отец, мать, члены большой деревенской семьи. Эта установка сближает чужих людей (хозяйку и квартирантов), которых начинают связывать, по сути, полусемейные отношения: *Всё ж она кровать нам дала / постель // И мы так и спали в ее кровати / потому что мы дюже работающие //*. Усвоенные культурой детства практики семейного трудового взаимодействия накладываются на коммунально-бытовое существование субъектов. Разрушение заданной модели воспринимается как

утрата семейной идентичности: *Хозяйка так плакала / «Да не уходите / я с вас ничё брать не буду» //*

Труд в сознании носителя просторечия сопряжен с тяжестью и интенсивностью (просторечие пользуется социально ограниченная группа горожан, не имеющих среднего образования / имеющих среднее специальное образование). Это преимущественно физический, часто неквалифицированный и поэтому малооплачиваемый труд, подтачивающий и разрушающий здоровье. Указанные смыслы передаются с помощью глаголов физического действия *вкалывать (провкалывать), халтурить, мантулить, горбатиться, (как лошадь) пахать, карячиться, дробить, (пол) мыть; (халаты) гладить, работать (на подвозке угля; числительных двести, пятьсот (проб), сорок пять, сто двадцать (тонн); существительных-названий лица по роду деятельности и профессии работяга, дробильщица, уборщица, нянечка, санитарка, посудомойка, каталь, маляр, монтер, грузчик, кочегар, учетчица, шофер, путеобходчик, разнорабочий, слесарь; речевых формул, указывающих на тяжесть труда на полторы ставки, пищу да лезу, мужская работа, работа не женская; характеризующе-резюмирующих речевых формул: Всю жись в тяжести; развалина развалиной; все здоровье износила; всю жись тяжелое; жись не сахар.*

Женщина наравне с мужчиной выполняет тяжелую физическую работу, руководствуясь установкой *жить надо*. Тяжелый физический труд способствует деформации в ней женственного начала: на первый план выходит необходимость быть физически сильной, крепкой, здоровой. Идеальная женщина должна быть крепкой, работающей, терпеливой. Приведем примеры:

А.И. *Работала на подвозке угля // Там три бункера / и краном накидываем // А так крана нет / дак рукам накидываем / а у меня никак не берется // Сначала где-то месяц эти места (показывает на руки) так болели / так болели // Ну потом втянулась // А тут у меня палец в транспортер попал / кровь идет // Я зажала / тряпкой замотала / и начальнику даже не сказала / смены // Думаю / «Я только что поступила / меня пошлют на*

больничный / а работать надо / что делать» // Дак я не могла лопату держать / и вот работала / ходила // Вот так всю жись / и всю жись в тяжести / всю жись тяжелое // И все мужская работа / все мужская // О-о-й / не приведи Бог!

К.П. *Я в Салдинском заводе (Салда – город в Свердловской обл.) в кузнечном цехе работала // Ковали эти / к самолетам лопатки // Молот-то этот самый был тяжелый / сорок пять тонн / или сто двадцать // Он как бухал / как бухал / я прям даже оглохла //*

А.И. *Я пошла на Площадь пятого года снег сбрасывать // Утром в шесть часов снег сбрасывать с трибуны / до восьми часов почти // А тут набросаю / да иду в охрану / в автоматику / где Оперный театр / туда бегу / там сутки // Это я уставала! Это для меня хорошая зарядка была //*

Ф. П. *В больнице мантулила всегда на полторы ставки / да и халтурила //*

В.И. *Надо / подхалтуривала / не ходила с протянутой рукой //*

Б.Б. *Я всю жись на железной дороге провалявал // Шийсят два года / а развалина развалиной //*

З.А. *Я в поликлинике на полторы ставки работала / и пол мыла / и халаты гладила // И Лена (дочь) приходила гладила / она еще маленькая была // Ей подставляла вот так стульчик / чтоб доставать / дотянуться // Гладили полотенца / пеленочки / для физкабинета салфеточки // Это она все погладит / прямое / маленькое / а мне уж халаты //*

(Из писем Президенту России) *Свою трудовую деятельность начала с 13 лет работала на Тавдинском лесопильном заводе разнорабочей. Кем только не пришлось мне работать, была и кочегаром и продавцом. Основная профессия – это кондитер, долгие годы работала мастером на Артемовском хлебокомбинате. Все эти годы жила на квартирах, прислуживала перед хозяевами <...>;*

<...>В 1944 г. приняли в Райветличебницу вет-фельдшером, работа не женская все здоровье износила сейчас все суставы устали сердце болит после бруцеллеза, да и давление часто прыгает по всякому. Ноги плохо ходят. <...>

<...> Я ветеран тыла и труда и инвалид II группы проработала на ж.д. транспорте 40 лет и 21 день <...>

Обращает на себя внимание *терпеливость* русского человека, принятие им действительности и хода жизни, что находит выражение в житийной установке, внутриличностной позиции: *Работать надо / что делать //*. Она закладывается и в сознание детей носителей просторечной культуры, которых стараются приучить к труду и посильной помощи взрослым. Эта установка, как представляется, является одной из базовых ментальных установок носителей национальной культуры. По мнению А. Д. Шмелева, установка на «примирение с действительностью» характерна именно для русской языковой картины, *смирение, терпеливость* не входили в число коммунистических ценностей [Шмелев 2005: 410-412]. Указанная установка отмечается также в работе К. Касьяновой, относящей к доминантам русской культуры «терпение, страдание, смирение», которые обусловлены приоритетом «внутреннего делания» в противовес «деланию внешнему» [Касьянова 1994: 26].

Сказанное не означает утраты или нивелировки ощущения коммуникантом собственного достоинства и социальной значимости, принятия жизни и оптимистического настроя. Характеризующая формула *Не ходила с протянутой рукой* указывает на человека, отвергающего роль *просителя, собирателя милостыни* [ФС]. Труд осознается как возможность не унижаться, проявить свое достоинство.

Коммуниканты осознают свою востребованность в качестве работников опытных, ответственных, дисциплинированных, безотказных и скромных, людей, для которых приоритетно прежде всего дело, а не деньги. В следующих диалогах и нарративах пожилых носителей наблюдаем пересечение концептов *труд* и *уважение, почет, скромность, достоинство*:

Ф.П. Ты помнишь Перваго? Начальник-то ваш / Геологоуправление //

А.Ф. Да помню / помню // Перваго кланялся мне в ноги // В Геологоуправлении первая дробильница // Надо пробы раздробить побыстрому // Куда? Некуда // В горный институт / а горный институт тоже загибал цены // Возьмет / не возьмет // Ну он договорился / и я пошла у них там пропустила // «Уважаемая Александра Филипповна! Я Вас очень

прошу / сделайте пожалуйста срочно» // Я иной раз вместо 200 проб 500 пропускала //

Ф.П. *Ну и чё / оплатил хоть? А то поди спасибо не сказал //*

А.Ф. *Дак и так бывает // Иногда в двойном заплотят / а иногда нет //*

Ф.П. *Скажи / двойную норму платите / тада //*

А.Ф. *Дак никто не идет // Здоровье надо //*

Ф.П. *Ишь тебе какой почет и уважение были / на вес золота ценилась //*

А.Ф. *Ак вот на юбилее-то была / начальник Вере Телегиной наказывал / «Пускай Александра Филипповна обязательно придет // 40-летие партии» (геологической партии) // Када я пришла / начальник и grit / «Ну Александра Филипповна / Вас мы токо вспоминаем // У нас работы вот так (показывает) / а никто не идет //*

Ф.П. *Дак конечно Шура / ты там пылью дышала //*

А.Ф. *Ну / у меня легкие-то от этого // Сквозняк / меня обдувало везде // От Вайнера до дому иду / ноги ледяные //*

Ф.П. *Вот Шура поэтому щас и колет все // У тебя там сосуды нарушены и нервы //*

А.Ф. (Шутит) *Токо и думаю / выпить горького // Где же чашка / чтоб сердцу было веселей? Где же ты моя милашка?! Да / моя работа с дробилки начиналася // Я свою прошуровала / иду на конечную станцию / тому помогаю / расшифровщикам помогаю //*

Ф.П. *Универсал //*

А.Ф. *Начальник grit / «Ну вот сидела бы на работе / она метлу берет / идет во дворе метет / весь двор // Субботник ленинский // У меня во дворе чистота //*

Ф.П. *Вот никого не упрашивали //*

З.А. *А щас кого заставить? Вот они огрызнутся //*

Ф.П. *Дак ой / не пойдут еще //*

З.А. *Он мне как / внучатый племянник // устроили его в таможду / в Кольцово // Очень хорошее место / теплое // И попросил начальник подмести // Ну у него никакого образования нет / армия и все // «Дак я вроде того что не нанимался тут вам мести» // Ну и все / его уволили // <...>*

А. И. *Вот я в компрессорной работала / две машины стоят / два компрессора // Чё надо / там слесаря или электрика / трубку беру / и вызываю <...> Но сначала я сама проверю машины / или где она там стучит / ли чё ли / и тада звоню // Они все слесаря / все как один / «Анна Ивановна / Анна Ивановна» / прям куда / с добром / и вот так все по-хорошему // Таки вот дела // Даром что пьянчужки были / оба покойники // Этот грубый / Вадим был / на ночь не помянутый / и со всеми матом / но не со мной! А вот сменщицу не любили они // как ни придут / она все дремлет //<...>*

В. И. *Моя специальность товаровед широкого профиля / по товару // Меня имели право взять на стажировку и в одежду / и в трикотаж и головной убор / и обувь // Потом када мы стажировались на Уралобуви / мне*

вот как-то повезло / я сразу себя показала и меня поставили инструктором прямо в цех / на потоке // И я значит стажировалась / училась и уже работала // Я все знаю от и до / я и модельёр / и всё-всё / у меня вот удостоверение есть / товаровед широкого профиля // Я имела право и в Пассаже работать / но мне приглянулась эта фабрика и я обосновалась там // Меня сразу назначили мастером потока // Потом я поглянись / раз я много знающая / у меня широкого профиля / меня пригласили в ОТК / отдел технического контроля // Када обувь идет по потоку / мы первый сорт ставили / второй и так далее // Вот так вот и работала / честно и с почетом // Я ушла на пенсию / меня тАк провозжали / тАк провозжали на пенсию <...>

Тексты-разговоры содержат самооценки, оценки чужого поведения и включенные оценки со стороны в аспекте отношения коммуниканта к труду и трудовому коллективизму. Так, прямые и косвенные самооценки и оценки эксплицируют положительную характеристику человека как опытного, квалифицированного, безотказного, расторопного, способного выполнять разнообразные производственные операции работника: *Зачем мне хвастаться? Я сразу себя показала; Я все знаю от и до / я и модельёр / и всё-всё / у меня вот удостоверение есть / товаровед широкого профиля; Универсал // Я имела право и в Пассаже работать; Я на месте никогда не сижу / из кабинета в кабинет как заведенная / всех больных обслужу / кому давление померю / медикАменты выдам; В Геологоуправлении первая дробильщица и др.* Самооценка, как правило, формируется на базе оценки других людей, поэтому показательно включение в речевые партии коммуникантов чужой речи: формулы обращения, вежливой просьбы, формулы-отношения. Ср.: *«Уважаемая Александра Филипповна! Я Вас очень прошу / сделайте пожалуйста срочно»; «Александра Филипповна / Вас мы токо вспоминаем»; Меня не отпускали ни в какую / ни в какую; Я на почете была; со всеми матом / но не со мной; Меня больные очень любили / как меня увидят / сразу обступят / «Ой / Фаина Петровна! Мы Вас так любим» // К Нэльке (сотрудница) вот никто не подойдет / она на всех рывкала / как собака // и др.* Они укрупняют статус коммуниканта, свидетельствуют о признании его трудовых заслуг, высокой оценке деловых и личностных

качеств. Коммуникантами признается ценность общественного мнения, которое воплощается не только в речевом поведении равных по статусу, но и тех, кто выше: *Перваго кланялся мне в ноги //*; *и меня поставили инструктором прямо в цех / на потоке //*. Мнение работников воспринимается как высшая похвала. На коллективный характер этого мнения указывает речевая формула выражения единодушия: *Они все слесаря / все как один //*. Показательно в этом отношении поведение мужчин-слесарей (*Даром что пьянчужки были; этот грубый / Вадим был / со всеми матом*), демонстрирующих уважение опытной и скромной работнице посредством обращения по имени-отчеству (*Анна Ивановна*), сознательно переходящих с общенного кода на литературный и меняющих регистр общения (*прям куда / с добром / и вот так все по-хорошему*). Коммуникативно-речевая практика демонстрации уважения и почета хорошему работнику является подтверждением того, что в народе любят ловких, сообразительных, знающих свое дело, скромных людей, не стремящихся извлечь из работы только личную выгоду, и презрительно относятся к ленивым и нерасторопным: *А вот сменщицу не любили они //* *Как ни придут / она все дремлет //*.

Наблюдается еще одна интересная особенность поведения носителя просторечия: модель поведения в микросоциуме (семье) переносится на модель поведения в производственном коллективе. Этому способствует совпадение внутренней установки русского человека о-домашнить окружающее простарнство и идеологическая установка *производственный коллектив как семья*, что предопределяет отношение к рабочему месту как дому, безотказность и бескорыстие в выполнении любой работы, собственную активность и инициативность: *Начальник grit / «Ну вот сидела бы на работе / она метлу берет / идет во дворе метет / весь двор //* *Субботник ленинский / у меня во дворе чистота //*. Перерождение этой установки, прагматическое отношение к труду, проявляемое в поведении

молодых, представителям старшего поколения непонятно: *А щас кого заставить? Они огрызнутся //; Никто не пойдет еще //*.

Проведенный анализ показал, что труд для носителя просторечия является базовой ценностью. Выявлены доминантные культурные установки в отношении к труду: труд является не только основой существования, но и способом регламентации внутреннего Я, а также отношений с другими людьми. Труд осознается как нравственная категория, поскольку сопрягается с представлениями о помощи и взаимопомощи в трудовом коллективе. Концепт *труд* вступает в отношения пересечения с концептами *уважение, почет, скромность, достоинство*. Следующее направление лингвокультурологического анализа – выявление отношений между концептами труд, государство, деньги, богатство.

ЛИТЕРАТУРА

Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике // Избр. пр-ния: В 3-х т. Т. 3. М., 1984.

Громыко М. М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян 19 в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографический обзор 2000 № 2.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград – Архангельск, 1996.

Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1993.

Колесов В. В. От составителя // Домострой. М., 1991.

Крысин Л. П. Формы существования (подсистемы) русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург – Пермь, 1995.

Левонтина И. Б. Homo piger // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.

Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели. Омск, 2005.

Стариков Е. Н. Маргиналы // В человеческом измерении. М., 1989.

Чернова О. Е. Концепт «труд» как объект идеологизации. АКД, Екатеринбург, 2004.

Шмелев А. Д. Терпимость в русской языковой картине мира // Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., 2005.